

Позже у меня возникало искушение сказать, что неладное я заподозрила сразу, как только вернулась. И что странности в поведении Алиции бросились мне в глаза с первого взгляда. Но на самом деле все было не так и Алиция оказалась мне такой же, как и всегда: взбалмошная, безалаберная и рассеянная ничуть не более, чем обычно, вечно куда-то спешащая и чем-то занятая и непонятно как при такой-то загруженности находящая время и силы на отзывчивость и душевность. Тоже как обычно.

Впрочем, мне и приглядываться-то было особо некогда, меня саму разрывало между двумя трудно совместимыми желаниями: наконец-то посидеть в уютном домашнем кругу и всласть пообщаться с близкими родственниками, которые по мне изрядно соскучились и по которым соскучилась я, и немедленно обойти всех знакомых и друзей, поздороваться и обменяться свежими сплетнями. Шутка ли, столько времени не виделись! Так что особо я тогда к Алиции не присматривалась.

Не удивило меня и то, что подруга не проявила ни малейшего раздражения или огорчения

проволочкам с собственной свадьбой, которая все откладывалась и откладывалась, и каждый раз для этого находились какие-то причины. А чему тут удивляться? Девушка может передумать в любой момент, даже перед алтарем! Алиция и вообще была не из тех, кто горит желанием непременно выскочить замуж и как можно скорее. Может, сгоряча согласилась, а потом одумалась, но не хочет обижать жениха, вот и надеется, что все заглохнет как-то само собой. Почему бы и нет? Тем более что и по поводу Гуннара у меня создалось то же самое впечатление: судя по тем уклончивым фразам, которые он просил передать своей невесте, он, похоже, был готов отступить и сейчас как раз искал наиболее обтекаемые формулировки для спуска дела на тормозах.

К этим новостям Алиция тоже не проявила ни малейшего интереса, словно бы все ее мысли в тот момент занимало нечто совершенно иное. Впрочем, как и меня. И потому мы расстались, полностью довольные друг другом.

Через две недели Алиция нанесла мне ответный визит. Непонятно, что тому способствовало больше: то ли острое желание посвятить меня в свои секреты, то ли не менее настоятельная потребность полюбоваться моим заграничным приобретением — потрясающей красоты унитазом нежнейшего

салатового оттенка, идеально гармонирующим с интерьером моего выдержанного в пастельных тонах санузла. Одобрительно оглядев новоприобретенного фарфорового красавчика со всех сторон, Алиция сочла его выше всяческих похвал. Но тут же посетовала, что такому уникальному агрегату потребуется столь же уникальный столяр. На что я не повела даже бровью, поскольку знаю свою приятельницу не первый день и давно уже научилась расшифровывать пиктограммы ее рассеянности: столяр, сантехник — да какая разница, право слово?! Алиция никогда не придавала значения подобным мелочам.

— Я вся на нервах! — сказала она вдруг безо всякой связи с предыдущим, пристально разглядывая сверкающую бледно-зеленую эмаль, на которой еще никто ни разу не сидел, даже муха.

— Случилось что-то? — из вежливости поинтересовалась я, обуреваемая в этот миг демоном самоуничужения: и почему я не купила в пару к этому прекрасному нежно-салатовому совершенству еще и такую же великолепную нежно-салатовую раковину?! Ведь она же там продавалась! А я не купила!

Алиция глянула на меня и натянуто рассмеялась. Ее попытка изобразить беззаботное хихиканье

больше походила на рычание, а растянутая усилием воли улыбка напоминала оскал. Поняв, что такой беззаботности вряд ли поверит кто даже самый близорукий и доверчивый, Алиция вздохнула и как-то сразу сникла.

— У тебя еще осталась та божественная успокоительная микстурка? — спросила она уже совсем другим голосом. — Вдруг поможет...

— Осталась, — ответила я, начиная проявлять интерес и наконец-то выныривая из страданий по безвозвратно не купленной раковине. — Могу тебе хоть целую бутылку отдать, у меня их две. Все равно мне сейчас не до нервов, чего хорошая вещь зря прокисать будет?

Алиция знала, что аптечный шкафчик у меня тут же, над раковиной (обычной, увы, а вовсе не нежно-салатовым идеалом!). С видом мрачным и решительным она достала бутылочку, откупорила, понюхала. И столь же мрачно и решительно приложила прямо из горлышка. А потом, чуть не уронив бутылку, слепо и судорожно зашарила руками вокруг. Я всунула в растопыренные пальцы стакан воды.

— Какая жуткая все-таки дрянь! — просипела Алиция, слегка отдышавшись.

— Положи себе в сумку, а то забудешь, знаю я тебя.

Я действительно знала Алицию и потому не стала ограничиваться словами, а плотно ввинтила пробку в горлышко и сама засунула бутылочку сначала в косметичку Алиции, а уже ту — в ее объемистую сумку. Решив, что так будет надежнее, и совершенно не предполагая, что тем самым обрекаю себя на крупные неприятности.

Мы собирались в тот вечер играть в бридж, и мой обожаемый Дьявол как раз должен был вот-вот привезти четвертого партнера, а тогда, понятное дело, ни о чем толком будет не поговорить. Но пока что в квартире мы были совершенно одни. И потому, когда мы вернулись в комнату, я все же не удержалась от вопроса:

— Так что там у тебя с нервами?

— Я боюсь, — мрачно сказала Алиция и закурила, бросив сломанную спичку в чашку с кофе. На меня она не смотрела, предпочитая разглядывать заоконный пейзаж.

— Чего?

Алиция нервно оскалилась:

— Да если б я знала! Лезут всякие мысли... Бред, короче. Не бери в голову. Просто нервы.

— Может, у тебя депрессия?

— Депрессия? Хм. Не знаю. Вроде бы не очень-то похоже.

— Если это не депрессия, то для испорченных нервов должны быть причины. Какие-нибудь неприятности? Отсутствие денег?

— Деньги есть. А неприятности отсутствуют. Просто нервы.

— Ну это нормально, — авторитетно заявила я. — Перед свадьбой все нервничают.

— Свадьбой? — оживилась Алиция. — Какой свадьбой? Кто женится?

— Ты! Твоей свадьбой!

— А-а-а... — она выглядела всерьез разочарованной. — Да нет, с чего бы это вдруг? Да и не скоро она еще. Не знаю... Наверное, я просто себя накрутила.

— Наверняка накрутила! Это же система с положительной обратной связью: человек, когда нервничает, всегда себя накручивает. И чем больше накручивает — тем больше нервничает. Попробуй успокоиться и посмотреть на все трезво и со стороны. И лучше в письменном виде! Помнишь, как мы когда-то с депрессией боролись?

Средство борьбы с депрессией и прочими неприятностями мы придумали давно, еще в юности. Особая прелесть состояла в том, что для него не требовалось ни дорогостоящего шопинга, ни лекарственных средств, отпускаемых строго по рецептам. Всего лишь лист бумаги, лучше в клетку — опытным путем

мы убедились, что такой эффективнее. На этом листке нужно было в два столбика выписать все события, которые случились с тобой в последнее время: в один столбик хорошие, в другой плохие. Все потери и приобретения, как моральные, так и материальные. Все надежды и разочарования, все радости и огорчения, неудачи и подарки фортуны, а также свои предположения о том, как эти подарки и потери отразятся на твоей дальнейшей судьбе. Если столбик с негативом оказывался длиннее (а, как правило, именно так и получалось), то следовало добавить третий столбик, в котором планомерно и подробно расписать способы устранения всего плохого с превращением его во все хорошее. Депрессия, как правило, не выдерживала и сваливала куда подальше задолго до конца третьего столбика, проверено!

Помнится, я, будучи еще совсем юной особой, как-то написала среди прочих горестей два знаменательных пункта: «1. Отсутствие любви. 2. Потеря расчески», а в третьем столбике напротив этих, безусловно, печальных событий добавила: «Купить новую». Что, конечно же, было вполне действенным средством избавления от досадной неприятности, но исключительно в случае с расческой.

С возрастом уровень драматичности записываемых неприятностей нарастал, но росли и навыки

борьбы с ними. Так, например, рядом с украшенным пятью восклицательными знаками криком души: «Пропал план благоустройства города!» небрежным росчерком было нацарапано: «А мне-то что? Пусть переживает тот, кто его посеял!»

Хорошо, что Ванги из меня не вышло, ибо каких только ужасов я себе не навоображала на этих клетчатых листочках! Каких только совершенно фантастических способов устранения этих ужасов не напридумывала! Но вот чего не предположила ни разу, так это что мой собственный ребенок однажды устроит в квартире пожар... и, как оказалось, совершенно напрасно настолько недооценила потенциал отпрыска.

В тот вечер я из Алиции больше ничего не вытянула: вернулся Дьявол с Янкой, стало не до частных разговоров. Дьявол же и развозил гостей по окончании игры, так что остаться с Алицией тет-а-тет не получилось.

Спустя пару дней я ехала на своем замечательном «вольвике», вертком и послушном, и вдруг увидела Алицию, отчаянно размахивающую руками с края тротуара в попытке привлечь внимание кого-нибудь из водителей. Я притормозила, и подруга тут же прекратила изображать из себя взбесившуюся ветряную мельницу и с достойным моей машинки изяществом мгновенно ввинтилась на сиденье, крича:

— Подвези! Надо до зарезу! Опаздываю просто страшно!

— Домой? — спросила я, по инерции сворачивая на Мокотов.

— Да нет! Куда ты?! На Старо Място!

Я застонала: это было точнехонько в противоположную сторону. Хорошо еще, что мне удалось лихо развернуться на конце Сенкевича, как бы провокационно это ни звучало.

— Ты можешь толком сказать, куда именно в Старом Мясте тебе надо?

Вместо ответа Алиция повела себя странно. Сначала сказала, что адреса не помнит, но покажет на месте. Потом долго вглядывалась в зеркало заднего вида и вдруг попросила меня притормозить и пропустить вперед синий «опель», следующий за нами, как приклеенный. Если мне, конечно, не трудно.

— Мне не трудно, — обреченно сказала я, послушно притормаживая на Крулевской и отжимаясь к правому тротуару. — Но ты же вроде бы спешила.

— И спешу! — насупилась Алиция. — А «опель» пропусти, пусть катит колбаской! Не люблю я их.

— Кого? Колбаски?

— Не тупи! «Опели». Или правильнее говорить «опеля»?

Ради Алиции я была готова на многое, даже на штраф. И потому совершила свой маневр без предварительного сигнала, дабы противник не успел отреагировать.

Моя хитрость подействовала. Синему «опелю» ничего не оставалось, как обогнать нас. Всматриваясь в мелькнувший на миг профиль водителя, я рассеянно подумала, что он почему-то кажется мне знакомым.

— Прекрасно! — прокомментировала Алиция. — А теперь давай так: если он свернет на Сенаторскую, то ты дуй прямо. А если он поедет прямо, тогда ты сворачивай!

Однако водитель «опеля» грубо нарушил наши коварные планы, проделав то же самое, что и я немногим ранее: перешел в правый ряд и перед самым перекрестком так резко и неожиданно сбавил скорость, что я пролетела мимо и снова оказалась впереди.

— Вот же гад! — возмутилась Алиция.

Отложив до лучших времен разборки с причинами столь ярко выраженного негативного отношения подруги к водителю вполне симпатичной машинки, я поддалась азарту и вопреки всем правилам движения выкинула финт, который тому и не снился. Ехала я по средней полосе, а тут резко крутанула

руль влево и развернула свой «вольвик», что называется, на одном колесе, стремительной каплей ртути пролетев поперек сплошного потока машин и каким-то невысказанным чудом ввинтившись в него, но уже двигаясь в обратную сторону. Чудо, впрочем, скорее заключалось не в том, что моей верткой и послушной машинке удалось отыскать просвет в плотном потоке с трассы В-3, а в том, что поблизости не оказалось ни одной милицейской души, которая наверняка не одобрила бы столь дерзкий маневр.

А вот Алиция одобрила.

— Супер! — сказала она.

— Полагаю, автоинспектор с тобою бы не согласился, — хмыкнула я польщенно. И не удержалась от вопроса: — А что у тебя за счеты с этим «опелем»? Зачем ты за ним следишь?

— Да не слежу я за ним! — с чувством сказала Алиция. — Я пытаюсь от него удрать. И чем дальше — тем лучше.

— Почему?

— Потому что достал! Куда ни повернусь, всюду он, глаза уже намозолил! Поезжай на Старо Място так, чтоб опять на него не наткнуться, ладно?

Я подумала, что тогда нам лучше вернуться на ту же дорогу, по которой мы ехали раньше: ведь не будет же он там вечно торчать, раз мы оттуда уже